МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.И. Постникова

ГОУ ВПО «Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск

Ключевые слова и фразы: генеративное отношение; intersубъективный опыт; межпоколенные отношения; психология межпоколенных отношений; родовая целостность.

Аннотация: В статье рассматриваются методологические и теоретические аспекты проблемы межпоколенных отношений. В качестве исходного методологического основания этой проблемы обозначается идея Платона о родовом человеке, а также взгляды русских философов о Родовой целостности как главном, связующем звене между человеком и обществом. Анализируется идея intersубъективного опыта философов М. Хайдеггера и Е. Гуссерля, которая трактуется как отношение между старым и новым поколениями, между взрослым и ребенком, или как генеративное отношение.

Проблема отношений между поколениями волновала исследователей не одно столетие. С древнейших времен ученые занимались поиском ответов на вопросы о роли поколений в развитии человеческой цивилизации, общества и государства. Изучая проблему отношений между поколениями в современной России, перед нами встал вопрос, не ответив на который невозможно грамотное построение экспериментального исследования. Сколько поколений необходимо для одновременного изучения с целью получения наиболее полной и объективной характеристики отношений между поколениями? Для решения этой задачи обратимся к философским взглядам, в частности, к идеям Платона, одного из самых ярких представителей научного сообщества, в книгах которого сформулированы идеи о поколенческой организации общества. Его учение о государстве [10] можно назвать одним из основополагающих в истории философии. Оно оптимально по степени охвата и глубине решения проблемы целостности человека. По мнению Г.А. Кондратовой, в нем «органически синтезировались внутренний и внешний аспекты человеческого бытия, общественное и индивидуальное в их статике и динамике» [6, с.33].

Чтобы понять идеи Платона относительно поколений и их роли в развитии человеческой цивилизации, необходимо, на наш взгляд, обратиться к его взглядам на типологию человека и государства. Их единство и взаимосвязь являются, по мнению Платона, исходными в научном знании и определяющими все общественные процессы. Из типов души Платон выводит сначала типы государства, а уже из них – типологию человека, выделяя пять типов последнего. Сам он объясняет эту логику тем, что в государстве «нравы более четки» [10, с.545], чем у отдельных лиц, поэтому рассуждения о типе человека и типе государства у него постоянно взаимодополняют друг друга. Динамику типов человека и государства Платон связывает с изменениями пропорций в структуре души. Тем не менее, основополагающим в платоновском учении является не государство и не индивидуум, а родовая человек. Это понятие вытекает из его анализа смены поколений в недрах семьи. Можно предположить вслед за Г.А. Кондратовой [6], что описанное им диалектическое единство пяти типов человека составляет один родословный период, т.е. его родовую целостность. «Тем самым родовая целостность человека может быть рассмотрена как срединное звено, через которое и посредством которого взаимодействуют между собой человек и общество, или, иначе, человеческое бытие персонифицируется в целостном человеке, модусами существования которого являются род в его индивидуальном и коллективном проявлении» [6, с.42–43]. Выделение родословного периода, его антропологической структуры в виде системы пяти типов человека позволило Платону органично показать диалектику объективного и субъективного в социальной динамике. Именно родословный период характеризует временной, исторический аспект бытия человека, связанный с преемственностью становления и развития. В системе пяти типов человека Платон показал своеобразную социокультурную единицу филогенеза, хранителя родового Слова, в котором закреплен социокультурный опыт данного рода. Не случайно Господь «за вину отцов ... наказует их детей, и детей их детей, и так до третьего, четвертого колена» [1, гл.34, ст.7], т.е. наказывает его не в индивидуальном модусе существования, а в родовом, в крайнем же случае вырезает как неплодоносящую всю родословную

ветвь. Сама по себе родовая целостность – главное, связующее звено между человеком и обществом, т.к. содержит в себе неразрывное единство индивидуального и коллективного бытия человека. Платон подчеркивал также, что в отдельной человеческой жизни типологические различия как качественные моменты эволюции человека менее выражены, чем в поколениях рода.

В новоевропейской философии о феномене родового человека писал Г. Гегель. Он рассматривал род применительно к человеку как «в-себе-сущее простое единство с единичностью субъекта, который имеет в нем свою конкретную субстанцию, но еще не стал единым субъектом» [2, с.507].

С. Кьеркегор подчеркивал исторический характер человека, связывая эту особенность с жизнью рода, поскольку «в каждое мгновение отношение строится таким образом, что индивид является и собой и родом» [7, с.133]. Задача заключается в совершенствовании человека, а через него и всего рода, поэтому отпадение индивида от рода сразу же определяет род иначе.

П. Сорокин видел родовые свойства человека в «основных закономерностях социально-психологических явлений» [13, с.31].

П.А. Флоренский обозначает основные составляющие рода: «необходимо познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою как члена рода, как органа высшего целого» [17, с.216]. Эти познавательные задачи направлены на достижение личностного, сопричастного понимания мира, реализуемого в сознательной деятельности человека во благо общего целого, что собственно, и придает смысл жизни каждому поколению. П.А. Флоренский не указывает, сколько же поколений составляет родовая целостность, однако, приняв во внимание упомянутое им число последующих после расцвета поколений, мы можем сказать, что и до времени расцвета их должно быть не меньше, что соответствует концепции Платона.

В современной философии проблему изучения законов природы и их проявления на всех уровнях бытия человека «родовом, групповом и индивидуальном» обозначил М.С. Каган [3, с.37]. Концепцию единства бытия «совокупного человека» в контексте социально-антропологической целостности разрабатывает В.Н. Сагатовский [11].

Г.А. Кондратова считает обоснованным признать «телом» родового человека единство пяти поколений (типов человека), душевно-психическим аспектом – родовое предание, а формой организации взаимодействий (деятельности) человека с миром – общество с его институтами и нормами [6].

Понятие «род» определяется в философии как «основанная на кровных связях форма общности людей» [16]. Особенность исторического развития человека заключается в том, что его совершенствование и укоренение обусловлено социогенезом не отдельного индивида, а единством пяти поколений, общение между которыми, по словам В.О. Ключевского, «есть историческое преемство» и выражается в нравственной связи между ними [5, с.42]. Г.А. Кондратова обозначает род как внешнее проявление родовой системной целостности, внутренней стороной которой является семья [6, с.158].

Исторический аспект проблематики отношений между поколениями был предметом рассмотрения философов М. Хайдеггера и У. Гуссерля. В их работах мы находим продолжение идеи об исторической связи между поколениями. В этом контексте нам интересен так же анализ, проведенный в исследовании Т.В. Шитцовой [19].

Автор проводит анализ такой конкретной формы интерсубъективного опыта, как отношение между старым и новым поколениями, между взрослым и ребенком, или генеративное отношение. Исследователь обращается к феноменологическим учениям, в которых генеративная связь тематизируется исключительно в диахронической перспективе в качестве фундамента историчности человеческой жизни – трансцендентальная концепция истории Е. Гуссерля и экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера.

В доказательстве трансцендентального обоснования социально-исторического генезиса жизненного мира центральным понятием Е. Гуссерль ставит понятие *генеративности*, устанавливающее сквозное соотношение между биологическим фактом смены поколений в человеческом мире и историческим процессом воспроизводства и обновления культурно-значимых смыслов в жизни конкретного сообщества.

Обращаясь к проблеме трансцендентального обоснования исторического становления «своего» жизненного мира (Heimwelt), Е. Гуссерль сталкивается с необходимостью экспликации непрерывного смыслоконституирования там, где на самом поверхностном уровне есть лишь череда сменяющих друг друга поколений, отделяемых друг от друга посредством рождения и смерти. Задуманный им анализ требует соответственно, особого, регрессивного, подхода: «Необходимо, – говорит Е. Гуссерль, –

отследить назад в генеративном смысле» формирование соответствующего сообщества, «генеративно отследить то, что конституировано в мире, соответственно понять его как жизненный мир следующих друг за другом поколений, характеризующихся единством исторической традиции, то есть как исторический культурный мир...» [22, с.141].

Т.В. Шитцова вслед за исследователями творчества Е. Гуссерля Э. Стейнбоком и Х. Шуес [19] подчеркивает в этой связи двуаспектность понятия генеративности, означающего одновременно и процесс становления – порождения, «генерирования» смыслов, и процесс, который осуществляется через поколения. Таким образом, в целом, речь идет о проходящем через поколения социально-историческом развитии в плане духовной генеративности, находящейся с физической генеративностью в отношении взаимопроникновения.

В связи с анализом генеративности важное место в концепции Е. Гуссерля занимает вопрос о возникновении *нового* в истории. Немецкий философ не раз подчеркивает, что в отличие от мира животных, в человеческом мире всякое новое поколение не просто воспроизводит («репетирует») доставшийся по наследству культурный мир, а развивает его в рамках собственного культуротворчества. Различая свой мир (*Heimwelt*) и чужой мир (*Fremdwelt*), немецкий философ ведет при этом речь о двух разных *генеративных* мирах, или культурных традициях, каждая из которых имеет собственный стиль и собственные типические особенности. Таким образом, в основании социально-исторического становления «своего мира» лежат, по Е. Гуссерлю, интересубъективные структуры двух уровней: во-первых, синхроническое различие (со-конституирование) «своего мира» и «чужого мира», и, во-вторых, диахроническое различие поколений, преемственность между которыми обеспечивает устойчивость соответствующего культурного мира.

М. Хайдеггер [20] рассматривает генеративную связь в диахроническом аспекте, анализируя отношение между индивидуумами, принадлежащими разным этапам исторического становления совместного мира. Предметом его анализа становится бытийная связь между актуальным *Dasein* и «умершим», вот-бывшим (*Da-gewesenes*). Ограничиваясь указанным аспектом исторической связи поколений, М. Хайдеггер интерпретирует его к тому же в одном определенном ракурсе, устанавливая специфический приоритет «живого» над «мертвым».

Разрыв, по М. Хайдеггеру, выступает как экзистенциальное условие подлинного обновления исторического мира, однако сама связь поколений получает одностороннюю интерпретацию, не позволяющую понять возможность исторического (герменевтического) диалога между прошлым, настоящим и будущим. Историчность *Dasein*, понятая на основании «забегания в смерть», предстает как имманентное, замкнутое на себя измерение индивидуального существования, в котором история начинается заново и заканчивается. Эти положения помогают нам определиться с пониманием идеи о разрыве поколений.

В исследовании мы опираемся на тезис Е. Гуссерля о том, что конституция мира является делом интересубъективности взрослеющего и взрослого людей. Различие между взрослым и ребенком имеет сущностное значение для конституции мира и может быть выявлено, прежде всего, в плоскости воспроизведения основополагающих систем значений и принципов нормальности, определяющих типичность «своего» культурного мира. Как «субъект» исторического сообщества, ребенок отличается от «нормального взрослого» тем, что для него освоение практического горизонта окружающего мира является ближайшей жизненной задачей. Тем самым, в предданном практическом горизонте «своего мира» обнаруживается «бреешь», ибо «своим» (в смысле индивидуальной освоенности с определяющими этот мир смысловыми взаимосвязями) он является, строго говоря, только для родителя, тогда как ребенку такое освоение еще только предстоит, принимая характерную форму *открытия* окружающего мира. В этом смысле ребенок – *чужак* в «нашем» культурном мире как исторически сложившемся смысловом пространстве «нормальных взрослых людей». Открываясь – по факту рождения – внутри соответствующего социально-культурного мира, жизненная проекция ребенка аналогична внешнему горизонту «чужого мира» в том принципиальном отношении, что тоже характеризуется особой пустотой, а именно – незаполненностью горизонта опыта знакомыми, освоенными значениями. В силу этой первичной отчужденности от «своего мира» ребенок – хотя он и является на свет «внутри» определенной (предзаданной) системы нормальности, *ожидаемой* в своих предписаниях, – сам по себе может быть охарактеризован точно так же, как К. Хельд аттестует внешний горизонт «чужого мира» – как «область для выступления *неожиданного*» [21].

В силу выявленного различия (*асимметрии*) в бытийной связи с ребенком внутри «своего мира» происходит постоянная актуализация горизонта «незнакомости», позволяющая взрослому взглянуть на привычные значения *как* на неустановленные. Таким образом, интересубъективная связь с ребенком позволяет взрослому усомниться в значениях, определяющих идентичность мира и собственную

идентичность. Следовательно, генеративный опыт имеет парадигматическое значение для исторического осуществления всякого межличностного сообщества в плане актуализации самой возможности обновления (мира) в бытии друг с другом. В этой связи подвергаются критике концепции, представляющие рациональность ребенка как «недоразвитую» форму рациональности взрослого, имеющую значение только в качестве промежуточного этапа на пути становления последней. Напротив, проведенный анализ позволяет говорить о трансцендентальном значении фигуры ребенка для социально-исторического генезиса жизненного мира. Таким образом, идеи Е. Гуссерля и М. Хайдеггера дополняют идеи философов о родовой целостности человека, наполняя их новым содержанием, позволяющим значительно продвинуться в понимании межпоколенных отношений.

Осознать специфику меняющихся отношений между поколениями помогает и предложенная известным этнографом М. Мид типология культур. М. Мид различает в человеческой истории три типа культур по критерию связи между поколениями: постфигуративные, где дети учатся, прежде всего, у своих предшественников; кофигуративные, где дети и взрослые учатся у своих сверстников; префигуративные, в которых взрослые учатся у своих детей.

По мнению М. Мид, история культуры, рассматриваемая с точки зрения эволюции способов взаимодействия поколений в сфере трансляции социального и культурного опыта, может быть представлена как последовательное становление трех ее типов: постфигуративного, кофигуративного и префигуративного.

Постфигуративная культура правами ее единственного носителя наделяет взрослого человека до того момента, когда новое поколение достигнет возраста зрелости – рубежа, определяемого, как правило, традицией или законом. Передача требуемого для обеспечения жизнедеятельности как отдельной личности, так и целого социума комплекса теоретических знаний и практического опыта осуществляется в этом случае исключительно в направлении от старшего поколения к более молодому. Данный тип культуры, по-видимому, возник раньше других; рассматриваемый в течение столетий как единственно возможный, в действительности он является столь же исторически преходящим, как и порождающие его условия – относительная неизменность (или чрезвычайно медленные темпы изменений) окружающей человека природной и социальной среды и его самого, а также неосознанность конечных, предельных оснований культуры и «отсутствие сомнений». Постфигуративную культуру М. Мид относит к прошлому. Вместе с тем, по ее мнению, реставрация указанных условий, возможная после периодов социальных потрясений, войн, революций, сопровождающихся, как правило, стремлением большинства к устойчивости и стабильности, делает появление этой формы культуры в современную эпоху столь же реальным, как и столетия назад.

Принятие представителями определенной возрастной группы модели поведения, выработанной их современниками, является свидетельством перехода к кофигуративному стилю культуры. В отличие от постфигурации, кофигуративная культура формируется в ситуации непрерывного изменения естественного и создаваемого самим человеком пространства его бытия, когда опыт прошлого, передаваемый от родителей к детям, в новых непрогнозируемых условиях жизни молодого поколения частично или полностью теряет свое значение. В то же время кофигуративная культура несет в себе определенное постфигуративное содержание, касающееся, главным образом, разделяемой несколькими поколениями и, в силу этого, представляющейся «вечной» и «абсолютной» системы ценностей. «Старшее поколение, – пишет М. Мид, – предполагает, что все еще существует общее согласие относительно природы доброго, истинного и прекрасного, что человеческая природа с ее прирожденными механизмами восприятия, чувствования, мышления и действия по существу остается неизменной. Убеждения этого рода, конечно, никак не могли бы существовать, если бы были до конца осознаны открытия антропологии, которые обстоятельно доказали, что нововведения в технологии и в формах социальных учреждений неизбежно ведут к изменениям в характере культуры» [8, с.359].

В настоящее время, по мнению М. Мид, мы переживаем становление принципиально иной, не имеющей каких-либо аналогов в прошлом, модели культуры – префигуративной. В ее основу заложен новый способ взаимодействия поколений, заключающийся в признании права молодежного сообщества быть носителем и творцом другого, неизвестного взрослым способа бытия в условиях кардинально и необратимо меняющегося мира. Приобретаемый молодым поколением опыт новой жизни отныне должен становиться предметом освоения представителями взрослой культуры, рискующими оказаться «иммигрантами во времени».

Исследование М. Мид исторической динамики социальных форм трансляции культуры позволяет обнаружить наиболее значимые тенденции развития современного образования, связанные с изменением характеристик личности обучающегося как субъекта образовательной деятельности. Основываясь на положениях представленной концепции, мы можем говорить о происходящей

параллельно процессам смены форм культуры, трансформации содержания и функций субъективного опыта ученика в целенаправленном обучении.

В условиях постфигуративного стиля отношений поколений, соответствующий ему тип образования ориентирован на возможно более полную и точную передачу обучаемому социального опыта, фиксируемого в нормативном учебном содержании. Составляющие индивидуального опыта личности – предметы познания и деятельности, представления, понятия, устойчивые поведенческие структуры, ценностно-смысловые коды – детерминированы интерсубъективным опытом, задающим законченный образец жизни. Конечно, содержание образования как аналог социального опыта не предопределяет всего содержания субъектного опыта ученика. «Вполне возможно, – пишет М. Мид, – что смелость, честолюбие, прилежность или же отзывчивость у отдельного человека будут не на уровне заветов дедов. Но и в своих недостатках он такой же представитель данной культуры, как и другие ее члены в своих достижениях» [8, с.325].

Процессы передачи культурного опыта опираются на субъектный опыт; вместе с тем его содержание, отражающее индивидуальность личности, ее биографию, принадлежность к определенной нации, включенность в статусно-ролевую структуру общества и малой группы, воздействие семьи, результаты повседневной жизнедеятельности – все многообразие уникального, не заданного обществом внутреннего мира ребенка, молодого человека в постфигуративной культуре оказывается исключенным из процесса передачи опыта. Постигание окружающего мира, усвоение опыта предшествующих поколений, достижений культуры через познавательную деятельность становится в значительной мере нейтральным, лишенным ценностного и эмоционального отношения. Становление кофигуративной культуры ведет к уменьшению роли социокультурных образцов поведения и сознания в структуре индивидуального опыта, что создает возможности для расширения пространства его формирования самим ребенком, в том числе – в учебной деятельности. Процесс передачи опыта цивилизации предстает как своеобразная встреча стереотипного социального опыта с неповторимым индивидуальным. Последний образуется на пересечении процессов усвоения предписываемых типовых стандартов жизнедеятельности и складывающихся индивидуальных способов интеграции в социальные и природные системы. Этому способствует система образования, открытая воздействию меняющегося облика цивилизации, сферы научных и практических знаний, духовной жизни, технического прогресса. Вместе с тем, как подчеркивает М. Мид, образование личности в кофигуративной культуре основано на представлении об «изменениях в пределах неизменного»: каким ни было будущее, его отличия от прошлого и настоящего не могут иметь качественного характера. За пределами критического сознания, в первую очередь, остаются ценностно-смысловые компоненты содержания культурного опыта, формирующие соответствующую сферу субъектного опыта молодежи. «Простое допущение того, – пишет М. Мид, характеризуя кофигуративный стиль культуры, – что ценности молодого поколения или же некоторой группы в нем могут качественно отличаться от ценностей старших, рассматривается как угроза любым моральным, патриотическим или религиозным ценностям родительского поколения, ценностям, утверждаемым с постфигуративным некритическим пылом или же с новоприобретенной постфигуративной преданностью» [8,359]. Новым качеством системы передачи опыта, реализующей модель кофигурации, является увеличение в структуре субъектного опыта удельного веса его компонентов, включенных в деятельность по освоению опыта человечества. Помимо задаваемых социокультурных образцов, это то содержание индивидуального опыта, которое обусловлено неповторимым своеобразием личности каждого ребенка. Приобретаемое им знание в этом случае фиксирует меру личностного отношения к окружающему миру, присваивается им как значимое.

Одновременно кофигуративная культура устанавливает жесткие пределы развитию данной тенденции, устраняя из образовательных процессов личностные смыслы, идеалы, ценности ребенка, отражающие его собственное понимание того, что есть добро и зло, истина и ложь, возвышенное и низкое. В конечном итоге познание мира оказывается основанным на компонентах субъектного опыта, в той или иной степени продиктованных социальными предписаниями.

В современном обществе функции и содержание субъектного опыта претерпевают значительные изменения, обусловленные становлением элементов префигуративной культуры. Речь идет о дальнейшем развитии новых тенденций, зародившихся на стадии кофигурации и связанных с расширением в процессе передачи цивилизационного опыта содержания и функций сферы субъектного опыта, отражающей индивидуальные характеристики его носителя.

По утверждению М. Мид, после 40–60 гг. XX в. мир впервые столкнулся с проблемой «необратимого разрыва между поколениями», который «совершенно нов, глобален и всеобщ». В настоящее время в мире одновременно сосуществуют, конкурируют и сталкиваются две формации, два

цивилизационных типа, «две волны» [15], с одной стороны, индустриальное общество, с другой – постиндустриальное информационное общество.

Разные страны находятся на разных стадиях развития, но «неверно было бы полагать, будто одни страны целиком еще находятся в индустриальном или доиндустриальном состоянии, а другие – полностью уже вошли в постиндустриальное. Конечно, в отношении той или иной страны можно говорить о том, какой тип в ней на сегодня является доминирующим, однако взаимодействие этих двух цивилизационных типов имеет инфраструктурный характер, изнутри пронизывая бытие всего человечества, социальную жизнь каждой отдельной страны и все больше и больше жизнь каждого человека, его самоощущение, ценности и жизненные ориентации» [9, с.66].

Калиновский Ю.И. [4], анализируя особенности развития современного российского общества, утверждает, что в силу масштабности и неравномерности развития различных регионов в России, в ней присутствуют сразу три типа цивилизаций: традиционное общество (сельские регионы), техногенное или индустриальное (промышленные города) и постиндустриальное информационное общество (крупные города). Но это не означает, что Россия должна оставаться страной «догоняющей», особую значимость в этих условиях приобретает поиск путей развития с учетом не только актуальных, но и перспективных, долговременных запросов и человека, и общества.

История развития цивилизации связана с преобразованием общественных отношений из-за кардинальных изменений в сфере обработки информации. Эти кардинальные изменения называют информационными революциями. Первая революция связана с изобретением письменности, что привело к гигантскому качественному и количественному скачку. Появилась возможность передачи знаний от поколения к поколению. Вторая (середина XVI в.) вызвана изобретением книгопечатания, которое радикально изменило индустриальное общество, культуру, организацию деятельности. Третья (конец XIX в.) обусловлена изобретением электричества, благодаря которому появились телеграф, телефон, радио, позволившие оперативно передавать и накапливать информацию в любом объеме. Четвертая (70-е годы XX в.) связана с изобретением микропроцессорной технологии и появлением персонального компьютера [14].

Префигуративная культура отражает особенности современного информационного общества, в котором отношения с будущим принципиально изменяются. «Сегодня вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга». Очевидно, что префигуративная культура требует коренного изменения содержания и организационных форм всей образовательной системы. «...Дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы пытаемся делать сегодня» [8, с.359].

Если обратиться к современной России, то для нее, на наш взгляд, характерно присутствие элементов всех трех культур. И это определяет своеобразие нынешнего российского общества, усугубляя драматичность отношений между его представителями. Для сегодняшней России характерно наличие трех и даже четырех поколений (дети, родители, прадеды, прапрадеды). Старшее поколение по инерции, исходя из собственного опыта общения с предыдущими поколениями, стремится к передаче своего богатого опыта молодым. Но кардинальные изменения, произошедшие за последние годы в нашей стране и в мире (глобализация, компьютеризация, информатизация общества и т.д.), способствовали и практически и фактически полной невостребованности этого опыта и значительному отдалению от поколения отцов и дедов.

Таким образом, методологические и теоретические основы проблемы межпоколенных отношений, заложенные в трудах философов древности, развивались и насыщались научным содержанием на протяжении не одного тысячелетия и продолжают волновать умы ученых современности. Наша задача заключается в том, чтобы, опираясь на исходные теоретико-методологические положения, разработанные в научном знании, с учетом анализа современного социокультурного контекста, разработать концептуальную психологическую модель отношений между поколениями в современном стремительно меняющемся российском обществе.

Список литературы

1. Библия. Священное писание. – М. : Новоспасский монастырь, 1998. – Т.9. – С. 7.
2. Гегель, Г. Философия природы / Г. Гегель. – Соч. : М.-Л., 1934. – Т.2. – С. 507.
3. Каган, М.С. О структуре современного антропологического знания / М.С. Каган // Сб. : Очерки социальной антропологии. – СПб. : Петрополис, 1995. – С. 37.

4. Калиновский, Ю.И. Философия образовательной политики / Ю.И. Калиновский. – М., 2000.
5. Ключевский, В.О. Русская история : полный курс лекций / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – Т.1. – С. 42.
6. Кондратова, Г.А. Человеческое измерение истории / Г.А. Кондратова. – Архангельск, 2007. – 310 с.
7. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Мысль, 1993. – С. 133.
8. Мид, М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями / М. Мид // Культура и мир детства. Избр. произв. / Пер. с англ. – М., 1988. – С. 359.
9. Пинский, А. Образование свободы и несвобода в образовании / А. Пинский. – М., 2001. – С. 66.
10. Платон. Государство собр. соч., кн.8. / Платон. – М., 1971. – С. 545.
11. Сагатовский, В.Н. Общественные отношения и деятельность // Вопросы философии, 1981. – №12.
12. Сагатовский, В.Н. Антропологическая целостность: статус и структура / В.Н. Сагатовский // Сб. : Очерки социальной антропологии. – СПб. : Петрополис, 1995. – С. 43 – 51.
13. Сорокин, П. Общая социология // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. Ю.А. Согомонов. – М. : Политиздат, 1992. – С.31.
14. Суханов, А.П. Информация и прогресс / А.П. Суханов. – Новосибирск: Наука, 1988.
15. Тоффлер, А. Футуршок / А. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 464 с.
16. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М. : Полит. лит-ра, 1991.
17. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – С. 216.
18. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. В.В. Бибихина. – М., 1997. – 451с.
19. Шитцова, Т.В. Рождение и отношение между поколениями как предмет анализа в экзистенциально-феноменологической философии. Автореферат д-ра философских наук. – М., 2007. – 50 с.
20. Heidegger, M. *Metaphysische Anfangsgrunde der Logik (Gesamtausgabe, Bd. 26)* / M. Heidegger. – Frankfurt am Main, 1978. – 272 s.
21. Held, K. *Heimwelt, Fremdwelt, die eine Welt* // *Phänomenologische Forschungen* / Hrsg. E.W.Orth. – Freiburg / München 1991. – Bd. 24/25 (Perspektiven und Probleme der Husserlschen Phänomenologie). – S. 316.
22. Husserl, E. *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil: 1929–1935* // *Husserliana*. – Bd. XV. – Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973. S. 141.

Methodological and Theoretical Bases of Intergeneration Relations Problem

M.I. Postnikova

Pomorsk State University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

Key words and phrases: psychology of intergenerational relations; intersubjective experience; generative attitude; intergeneration relationships patrimonial integrity.

Abstract: The paper studies the problems of methodology and theory of intergeneration attitudes. As the initial methodological basis of this problem Platon's idea about the patrimonial person is designated as well as the views of Russian philosophers about Patrimonial integrity as the linker between the person and the society. The philosophers M. Heidegger's and E. Husserl's idea of intersubjective experience which is treated as the attitude between old and new generations, between the adult and the child or as generative attitude is analyzed.